

230 СТРУК
≈ 56'
Письмо к П. Григорьеву
от Г. Померанца

Дорогой Петр Григорьевич! Ну вот и дочел житие Петра - война. Дочла и Зина. [Военно-инженерные и военные главы я читал ей вслух с объяснением, а дальше опять пустил на самотек.] Кое-что она заметила лучше меня: важность для Вашего характера детского отчаяния от чужого горя /тети Катри/. Или - почему Вы так медленно меняли вехи /потому что для Вас сознание неотделимо от действия, а на то, на что Вы решились, нелегко решиться/. /Я прибавляю еще: потому что Вы - человек верный. И, приняв идею, долго боролись за истину идеи - пока не почувствовали, что идея умерла. И тогда изжили ее/.

Саша ← { Очень важно для Вас, что Вы рыжий. Голову брили, чтобы скрыть это, верно? Рыжий, дразнили Вас - и научились драться. А сердце нежное, не выносит чужого горя. И стали драться за всех рыжих /за маленького Изю, за крымских татар/. Вплоть до удара ребром по горлу санитара, за несчастного помешанного. [Надо бы прибавить, как Вы дома с Аликом. Ну, об этом пусть другие напишут. Вы это сами в себе не видели.] }

Многие эпизоды раскрылись только при перечитывании. Но лицо сразу видно. Нежность и вспыльчивое чувство собственного достоинства, и вера в возможность добиться правды... Какая-то отмененность. Не зря цыганка хотела именно Вам погадать.

В книге на 800 страниц есть и слабые куски, и целые слабые главы. Это те, в которых Вы как бы растворяетесь в найденной среде, перестаете в одиночку прокладывать свой путь. Когда Вы варитесь в рабочем кotle и в диссидентском кotle. Первое еще иногда освещается взглядом на идущего, но очерк правозащитного движения превращается в перечень имен и лиц, временами до телефонной книги. Вы там исчезаете, и других характеров тоже нет. Не характеры, а положительные характеристики. Сравните с этим Васильева, Гольдштейна, чету Леусенко: что ни человек, даже бегло обрисованный, то

характер! [Леусенкам прямо хочется прибавить дочку и Гринева - так живо вспоминается комендантша Белогорской крепости]. А список диссидентов - все равно что список личного состава 8-й дивизии, без всяких припусков. Я понимаю, что Вам хотелось тепло отзываться о всех, кто переступил через порог страха, и всем, на-верное, приятно, что не забыли, но как читатель я этой главой недоволен, нет в ней стихийной поэтичности, не отлежался материал в голове, не поработало забвение, отсекая лишнее.

А в общем-то книга глубоко поэтичная. ["Есть кого любить" - как говорит Зина о хорошей книге. Все время испытываешь радость общения с Вами, и через Вас - с какой-то пружинкой, поворачивающей сердце к добру сквозь все идеи.] В Вас очень многое осталось нераскрытым, и, вдруг, на старости, раскрылся дар замечательного рассказчика. Покойный Леонид Ефимович Пинский строго различал поэтическое /как открытие самородка/ и художественное /отделку, искусство обработки, мастерства/. Ваша книга именно поэтична, и вопреки всем шероховатостям она войдет в русскую литературу, как вошли "Былое и думы". А ведь раньше Вы писали только военно-теоретические труды. Я чувствовал, по Вашим рассказам, эту шевелившуюся в Вас книгу, но она лучше, чем я мог ожидать. Огромный поток событий, прошедших через ум и сердце. Можно сравнить и с "Архипелагом" /где тоже в центре личность более яркая, чем все события/.

Любопытно, что мы иногда сходимся с автором "Архипелага", хотя тут же и расходимся. Оба уговаривали Вас написать книгу. Я - именно эту книгу, т.е. прежде всего о себе, и события - через себя. Не от сосредоточенности на себе, а бескорыстно, потому что только так - через сердце. Сердце у каждого только ^{свое} ~~сме~~, и лучше через сердце, чем через идею /черную, белую, красную/. Но если

будут силы, то хорошо бы написать книгу "Stalin als Feldherr".
Потому что эту тему Вы поставили - и оставили недоработанной.

Л
Пока - о том, что написано и что я прочел. Самое главное здесь не то, о чем пишете, а Вы сами, очень много фактов, которые поражают, захватывают, рождают новые мысли, и иностранная пресса это отметила, но главного никто не заметил. Вы не просто вернулись к вере, к православию. Вы вернулись, не потеряв то доброе, что было в революционном запале. Соловьев и Бердяев писали, что революционные идеи имели христианские корни. Я думаю, не только христианские, но религиозные /так можно ввести в общие скобки и еврейских участников революции и, допустим, Султангалиева, уничтоженного Лениным за пантюркизм/. Традиционные религии оказались, слились с властью, с корыстью правящего слоя. И их собственный призыв кциальному добру повернулся против религии, против Бога, исказился, принял разрушительный характер. В Вашей жизни то святое, что было в революции, вернулось на свою истинную почву, стало верой, которая без дел мертва, которая прямо требует борьбы за добро, за то, чтобы жизнь на земле не превращалась в ад. Пусть рай на земле - утопия, но борьба за т, чтобы жизнь не стала адом - совсем не утопия, все доброе в истории - через эту борьбу. Дай, Бог России побольше такой веры, как у Вас! /и как у Федотова, книги которого Вам легко достать - прочтите непременно, я очень советую/.

Л
4

Вы вернулись к вере отцов, но не вернулись к тому патриотизму, который /по выражению Гейне/ сужает сердце, Вы сохранили способность любить свой народ без ненависти к другим народам, с готовностью бороться за теснное меньшинство против толпы. Это то благородное, что было в интернационализме, что интернационализм унаследовал от ап. Павла и что обычно теряет историческая помест-

ная церковь. Здесь снова Вы возвращаетесь, ничего не потеряв, свидетельствуя всем собой, что было не только помрачение духа, а живая история, в которой ни одно движение не бывает чистым соблазном, безо всяких корней в духе и истине. Освобождается от соблазна без нового ущерба истине. И это - великий пример для страны, вожди которой увлекают ее из одной крайности в другую.

Вся книга - непрерывный нравственный рост и непрерывная работа ума. Читаешь - и растешь вместе с Вами. Читаешь - и многое заново понимаешь, и хочется еще раз все передумать и переосмыслить. Мы с Вами по-разному устроены, меня больше тянуло к наблюдению за ходом жизни и к обдумыванию этого хода, чем к бою. Если я втягивался в бой, то не столько ради победы, как ради понимания, в чем вкус боя. Но одна черта у нас общая: мы оба учимся до конца жизни. Чему-то я научился, прочитав Вашу книгу. И мне хочется откликнуться не только словами сочувствия. Вы очень тепло написали о наших разговорах, мне хочется их продолжить. С Вами легко спорить: Вы спорите без ненависти. И мне хочется в чем-то возразить Вам. Может быть, это подтолкнет Вас к новой книге. Или хоть к новым мыслям.

Вы превосходно разбирались в людях на фронте, нов новой для себя и не совсем привычной области Вы делали ошибки. И иногда даже увидев, что сделали ошибку, и как будто убедившись в ней, Вы не можете до конца ее понять /как с Якиром, и как со Сталиным/. Начну с Евтушенко. Хотя он только упомянут. И хотя это уже отыгранная карта. Евтушенко переменился, Вы переменились... Стоит ли вспоминать? Но оттого и стоит, что оба переменились, - появился "пафос дистанции", взгляд издали. Легче понять, в чём обман.

Тут есть свои приметы. Политические стихи Евтушенко были написаны явно хуже, чем его собственные другие стихи. Либерализм

его банальный, нет в нем новых мыслей /которые всегда есть у Коржавина, для которого либерализм не мода, а страсть. Ср., например: "самое страшное - это инерция стиля", "у мужчин идеи были, мужчины мучили детей"//. У Евтушенко только ходячие суждения, кое-как зарифмованные. Я отплевывался, читал "Наследников Сталина". Плохо, не по закону партии, да, но по закону моды. Не на государственный, на частный рынок, но на рынок. На публику. Два рыночных товара: либеральная политика и сексуальная революция...

Я варился в другом кotle, где не только жена моя, Ирина Игнатьевна, знавшая весь серебряный век наизусть, но дети ее со смехом цитировали Евтушенко. Но сотни тысяч читателей не почувствовали, что Евтушенко - лицедей, что он играет роль либерального поэта в погоне за славой. Что все его наиболее известные стихи - на публику. Вас здесь легко было провести, и Вас, и сотни тысяч других. Сталинское образование готовило специалистов от сих до сих, в понимании сердцевины культур целые покаления остались самоучками, Вы отличались от других тем, что учились всю жизнь, - большинство очень рано перестает, - но клюнули. Вы здесь, как и все, на мякину. У Вас у самого в мизинце больше подлинной любви и гражданского негодования, чем у Евтушенко во всех его стихах.

Литература - привычное для меня дело, поэтому я задержусь на этом примере, он поможет разъяснить другие. Давайте поставим рядом трех поэтов: Высоцкий, Евтушенко, Коржавин. Дарования у них разные. У Высоцкого очень много стихийной силы, у Коржавина стихийной силы совсем немного - в стихах мучается мысль и мысль именно общественно-политическая, редко доходящая до подступов к Богу. По характеру таланта Евтушенко посередине /и стихийная певучесть есть, и мысль ему не чужда/. Но Высоцкого и Коржавина

объединяет то, что они свой талант не продают, что они своим жаром души не спекулируют. А Евтушенко именно это делает. Он великолепно читал свои стихи, я слушал. Это невозможно без известной доли искренности. Только какой искренности? Искренности актера, который умеет всем сердцем вжиться в роль. Сегодня - короля Лира, а завтра - Леонида Ильича Брежнева в пьесе /или фильме/ "Малая земля".

Вот эта, артистическая искренность Вас обманывает. В том числе в Д.Дудко. Вы кажется просто не знали, что Д.Дудко - графоман, одержимый страстью печатать свои стихи /очень плохие, я прочел некоторые в машинописном журнале "На перекрестке"/, свой роман /напечатанный на Западе под псевдонимом, говорят очень плохой/, свои проповеди и рассуждения. Графомания - не самый большой порок, разновидность тщеславия, и /как всякое тщеславие/ она придает человеку храбрости, толкает на риск. Своим талантливым исполнением роли мужественного пастыря Дудко не только добивался непосредственной дани восхищения /своего рода аплодисментов, ласкающих душу актера/, но еще покупал внимание к себе на Западе и возможность печататься и переводиться на иностранные языки. И как писатель, и как богослов, хотя богословие его /по отзывам очень квалифицированных специалистов и по моим непосредственным впечатлениям от журнала "На перекрестке"/ - малограмотные, выдергиваются из контекста отдельные фразы из Нового завета и толкуются так, как удобнее. Что без воли всевышнего волос не упадет - он толкует так, как Вы в детстве, за что о.Владимир отчитал Вас. Вы называете о.Дмитрия образованным человеком. Это неверно, культуры, которую дает систематическое образование, у него нет, только беспорядочная начитанность /в военном деле

Вы прекрасно понимаете эту разницу и подчеркиваете, что Жуков - человек необразованный; уверяю Вас, что Дудко также необразованный, хотя, разумеется, он более начитан в богословии, чем Вы/. Но все это не так важно. Марченко тоже человек необразованный, хотя много читал. Важно то, что слово Марченко - это он сам. А слово Дудко - это роль, которую он способен играть только на сцене, под аплодисменты /думаю, что под аплодисменты и на плаху взошел бы. На миру и смерть красна/. А наедине, в камере, потерялось чувство публики, в восторге ожидающей мужественного пастырского слова, и дух оставил лопнувший мыльный пузырь, и победила смердяковская мысль, которую о.Дудко несколько раз повторяет в своем журнале "На перекрестке": "пострадать я всегда успею."

Почему Вы обманулись? Потому что очень хотели увидеть нового о.Владимира, а о.Дмитрий играл свою роль талантливо и искренне /в рамках актерской искренности/. Не Вы одни - сотни, тысячи обманулись. В том числе люди очень образованные, видевшие славости мысли Дудко. Но их обманывала его наигранная уверенность в себе. Они откровенно сомневались и колебались, а он тщеславно лицедействовал и являл им образ простой твердой веры, которой у него не было. Если б была - осталась бы с ним и в камере. Поэтому что религия - связь с Богом. А у Дудко только связь с людьми, с поклонниками его проповеднического таланта. И гебешники учили это, использовали его тщеславие, изобразили из себя духовных детей, готовых объединиться с пастырем на почве общего советско-русского патриотизма. И вот что он пишет /я ограничиваюсь одной яркой цитатой/: "сказать, что чекист - это тоже человек и его нужно жалеть, говорить ему добрые слова - ^{знает} вызвать тотчас раздражение. У нас в России слово "чекист" вызывает раздражение, на Западе - слово "русский". Тотчас вспоминают репрессии

и террор и не могут простить чекистам. Русские просто неприемлемы западному миру, чекисты неприемлемы нашему обидчивому сознанию. Не стоит ли задуматься таковым, а не говорит ли эта неприязнь о том, что у чекиста и у русского есть что-то от Христа? Христа тоже ненавидели, и не стоит ли задуматься ненавидящим, а не фарисеи ли они? Вдруг да чекисты и русские первыми пойдут в царство небесное, первые, которые будут прокладывать путь человечеству? Из-под смеха, как из-под ненависти, выходят настоящие люди" /"На перекрестке", т. I, с. II 8/.

Вас отталкивает плохое лицедейство /Брежнева, Красина/, но хорошее лицедейство Вас обманывает. И в том числе - сталинское. Вы пишете, что не пытаетесь анализировать личность Сталина, и просто приводите свидетельства генералов, которых Stalin сумел очаровать: Опанасенко, Вечного /"я знал другого Сталина..."/. Выходит, что был один Stalin палач, мужикоборец, дракон - и другой Stalin. А по-моему никакого другого Stalina Вечный не знал. Только другую личину Stalina, которую по наивности принял за лицо. И эту иллюзию Вечного, Опанасенко и еще 100000000 человек непременно надо проанализировать.

Личность - это характер, у которого корни в бесконечности. Личность - это то, что может выветриться до лико /как пишет Флоренский в "Иконостасе"/. У Вас - личность. А у Stalina - личина, за которой пустота, и в этой пустоте шевелятся тени. Одну из них так и называют Тень / тень ученого из пьесы Шварца/. И Крошка Цахес /из сказки Э.Т.А.Гофмана/. И Смердяков /как я трактую этот образ/ в "Квадрильоне": лакей идеологии, попирающий идеологию, идеи, которые он себе присвоил. И Дракон /Шварца же/ с ненасытной жаждой зла ради власти и власти ради зла... В 1965 году, обдумывая "Нравственный облик исторической личности", я собрался

закончить речь резонансом трех людей: Крошку Цахес, Смердяков, Черт; потом - по тактическим соображениям - придумал другой конец. Вы заставили меня вспомнить первоначальный замысел.

Сталин - червь, выросший в язвах утопии, вкалачиваемой в действительность. Пока утопия остается сном, все хорошо:

Если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой...

Томасу Мору снилось, что мы влезли на стену и ходим по потолку. Томас Мор был хорошим человеком. И Фурье, и проч., и проч. Но вот к утопии примешивается воля L власти. Вот утопия и становится руководством к действию. И во имя счастья ходить, как мухи, по потолку, пускается в ход повивальная бабка истории /насилие/. Люди почему-то не могут удержаться на стене, падают. Им мешают классовые враги, вредители, двурушники... Утопия становится жигалевщиной /начинает с идеи свободы, приходим к рабству/, и каждые несколько лет новая судорога /уничтожаем буржуев, кулаков, вредителей, двурушников, космополитов/. Stalin - гений этих судорог. Ему ничего, кроме судороги и не нужно. Противоречия между утопией и волей к власти /заставляющей забывать утопию/ у него нет, но есть способность притворяться: ленинцем, патриотом... Война вытолкнула из утопии в историческую реальность, и Stalin становится русским патриотом, и генералы клюют на это, как клевал раньше Бухарин.

Лицедейство Stalina - не от тщеславия, не ради удовольствия покрасоваться в чужих перьях. Суть его все время одна: разыграть одного против другого, стравить - а потом уничтожить обоих /как "троцкистско-бухаринских мерзавцев"/. Если бы жил вечно - уничтожил бы весь человеческий род.

Вы прекрасно описали, как он охмурял Опанасенко. Примерно так он охмурял и писателей /об этом писал Синявский/. А ведь с Опанасенко была двойная игра: снял с опалы /кусок, брошенный Гог-лидзе и Ники~~шо~~ ву/, потом приласкал, обаял /пускай еще повоюет за меня, но не командующим, замом. Надо ликвидировать в корне пример военной диктатуры, стоящей над партийно-гебешной. Пришлось допустить во время войны, а после Курской дуги нечего больше играть с огнем/. И начались новые пакости, за спиной фронтовиков /приход к геноциду на Сев. Кавказе и в Крыму/...

Сталин - случай лицедейства без тщеславия, Якир - тщеславие без лицедейства. Он не играл, как Красин, в ура-героя, не скрывал своей слабости, и Вы ее разглядели. Но почему Якир не послушался Вас, не отошел вовремя, не бросил роль, которая ему не по плечу? Из тщеславия. Красивая роль. Не хватило мужества признать свою трусость. Как и Сокирко /его ведь тоже уговаривали два человека, и меня просили уговаривать его. К сожалению, я плохо знал Сокирко и не понял, насколько это важно. Выполнил поручение формально. Впоследствии очень жалел, что не был настойчивее/.

Такие люди не лишены обаяния, к ним легко привязаться. Кажется, что в решительную минуту к ним придет второе дыхание. Но не приходит. Наоборот: оставшись в изоляции, без поддерживающего общества друзей, они катастрофически теряют силы. У Сокирко~~хватали~~ духу на других не капать. Якир и этого не сумел, зато потом Якир сумел молчать и не оправдываться, не писать заявлений в АПН /Сокирко/, проповедей/Дудко/ и т.п.

Такие люди начинают со сравнительно безопасных вещей, - но в какой-то момент тщеславие заставляет переступить через свою меру /неудобно обмануть ожидание/ ... и в конце концов не простое

/вполне простительное/, а злостное бандитство.

В Вас нет ни капли тщеславия, и Вы не можете понять, какая это сильная страсть, как она сплетается с другими, благородными страстями, и чуть-чуть их преувеличивает... На войне Вы умели отличать неподлинную храбрость Михайлова /такого же храбреца, как Грушницкий/ от подлинного мужества. А в поэзии, в богословии, в политике - может быть, не всегда было из чего выбирать? Не хватало примеров? Слишком узок был оппозиционный круг? И приходилось иметь дело с Михайловыми - за недостатком других?

Я во время войны знал офицера, который открыто говорил мне: я - трус. Я уважал этого человека за трезвую оценку самого себя. Трусость этого человека была не такая уж бросающаяся в глаза, ее легко можно было спрятать. Сознавать свою слабость - это своего рода сила. Правозащитное движение отделено от сопствующего круга барьера страхом, и тот, кто проходит через этот барьер, должен знать, на что он идет. Но человек грешен, а красивая роль так влечет... И вот на первую линию выходят люди, явно не способные на мученичество. И смотришь на их деятельность с тягостным ожиданием конфуза.

Вы подчеркиваете, что Красин - какой-то шут, соскочивший со страниц "Бесов", а Якир - просто слабый человек. Наверное, Вы правы. Но оба сели не в свои сани. Когда их арестовали, я почти не сомневался, что оба расколятся /думал это и раньше, оттого и держался решительно в стороне от обоих/. Ваша собственная целосность и недостаток жизненного опыта на новом для Вас поприще мешали Вам понять Якира до конца. Мешали понять и Дудко.

Вы не ошиблись в Солженицыне - это действительно великий человек. Он мой противник, потому что я не люблю не только прошлых, настоящих, но и будущих диктаторов. Потому что он смешивает ин-

теллигенцию с образованщиной и награждает престижным титулом интеллигента только свои собственные партийные кадры. Потому что он не способен любить свой народ без нелепых счетов с другими народами. Потому что он не только сознает негативность России к свободе, - сознает и Федотов, - но не хочет искать и пути к свободе, считает ее, для России, ни к чему. Но человек он великий. В нем есть и темное, но есть огненный дух, который заставляет любоваться героем "Архипелага" и "Теленка". А Дудко - мыльный пузырь.

То, что Вы любили, Вы не можете до конца отбросить. Что-то хорошее Вы хотите сохранить в поверженном кумире. Это - замечательная черта, но иногда она обрачивается и ошибками. [Вы не можете вырвать из сердца человека, которого любили, как сына. И хотите что-то сохранить от сталинского мифа. В обоих случаях Вы подчеркиваете объективные заслуги, заслуги в деле /в правозащитном деле, в деле победы. Я не сравниваю Вашего отношения к Якиру и Сталину, но сравниваю и нахожу что-то общее в подходе.]

(т. п-и: 24) + /ы
И я ставлю вопрос, - что важнее, дело или человек? / Я еще в 1965г. выдвинул тезис, что у провокатора нет заслуг. По-моему, человеческих недостатков и пороков не может оправдать никакое дело. Всегда окажется, при внимательном рассмотрении, что само дело ^{бы} вошло с изъянами - как наша победа.]

Отношение к Сталину у Вас двоится. Вы как бы спорите с самим собой. Вы часто спорите с самим собой, это даже интересно, как столкновение различных исторических пластов Вашего опыта. Например, оценка генерала /изнутри вооруженных сил/ сталкивается с оценками диссидента. Резкая полемика с Жуковским стилем войны уравновешивается более сдержанными формулировками в статье по поводу книги Некрича. [Общая характеристика политработников уравновеши-

вается при рассказе о друзьях Костерина и Ваших собственных друзьях, служивших во время войны в тех же политорганах; мысль о том, что Хрущев мог бы опереться на демократические силы, разбивается Вашим же превосходным описанием действий Хрущева.] Такие противоречия не портят книги. Но характеристика Сталина как главнокомандующего - слишком важное дело, и мне хочется Вам возразить.

Во-первых, политическое руководство войной и военное командование - разные вещи. Stalin не был чисто номинальным главнокомандующим, как Рузвельт. Он лез во все, как Гитлер. И партачил больше Гитлера.

Во-вторых, новых военных идей Stalin не выдвигал так же, как ^{Вы} не выдвинул новых политических и философских идей. Он умел только присваивать и использовать чужие идеи. Под влиянием испанского опыта - отверг идею глубокого боя. Под влиянием собственного разгрома вернулся к идее глубокого боя /почему не после Польши? После Франции?/. До самой войны позволил Ворошилову "крутить хвосты", как Вы выразились. И прочее.

Одно из важнейших условий наших успехов зимой 1941-1942 гг. - теплое обмундирование. Но его не было до Финской войны. Хотя морозы в России случались и раньше. Stalin сперва губил сотни тысяч, миллионы людей, а потом соображал, что надо сделать и принимал меры. Задним числом гений...

В-третьих, период обучения вождя военной науке длился, по-моему, не до декабря 1941 г., а до лета 1942 г. включительно. На этот курс не хватило бы никакой другой страны кроме России. И после 1942 г. Stalin делал грубые ошибки, - на Кубанском плацдарме, при взятии Берлина /подарил Рейхстаг Жукову и велел брать Берлин в лоб/.

В-четвертых, Stalin умел сработать с любыми нужными ему

людьми: со своим политическим штабом /в ЦК/ и с военным штабом. Верных помощников он до поры до времени ценил. Но это не специфически военный талант. Талант политического интригана. Талант вампира, выпивавшего сок из чужих мозгов. А успеха на поле боя он достигал именно таким способом, который Вы обличаете в Жукове: не щадя солдат и расстреливая офицеров /именно этими своими чертами Жуков понравился Сталину/. Что тут изучать? Это старый способ. Его описал еще Достоевский в "Дневнике писателя": фельдъегерь методически бьет кулаком в затылок ямщика, ошеломленный ямщик хлещет лошадей - и тройка мчится ... от Кремля до переднего края: "Вперед, ... вашу мать!"

Ваши собственные действия в Карпатах гораздо интереснее и начинаются они с резкого изменения общего в армии стиля: давать пополнения Леусенко, который умеет эти пополнения беречь; лично принимать солдат из госпиталей и возвращать недолеченых в медсанбат; надеть на всю дивизию каски - и т.п. Без этого начала не было бы и продолжения с заходом в тыл противника на десятки километров и десятки тысяч пленных. Вы создали то, чего у меня на глазах всю войну не было: устойчивое ядро обстрелянных пехотинцев. Если уж изучать, так действия Вашей дивизии, а не сталинские мясорубки.

Вы, вероятно, один из самых образованных генералов нашей армии, а я липовый лейтенант, звездочку мне дали после липового экзамена. Но я убежден, - вопреки Вам, - что Сталин был неправ в столкновении с Хрущевым весной 1942г. Попытаюсь доказать это методом аналогии. Если я неправ, Вы меня опровергнете.

Кто виноват в катастрофе под Керчью? Неужто только Мехлис, получивший за это прозвище Мехлис-Дюнкергенский? Мне передавали, что Петров хотел перейти к глубокой обороне, а Мехлис настоял, чтобы сохранить наступательные боевые порядки /которые и были

прорваны одним махом/. Не был ли Мехлис здесь простым рычагом Сталина? Не потому ли Сталин в конце войны вдруг снял Петрова, что не захотел видеть его на банкете победы? Потому что Петров напоминал ему свою собственную ошибку, а не ошибку Мехлиса?

Кто запретил Власову вывести, через трудом пробитую брешь, остатки второй ударной армии? На этот раз Мехлиса не оказалось. Лично Сталин.

А Хрущев... Он был рупором своего командующего, который трезво оценил угрозу разгрома. При абсолютном господстве немцев в воздухе и ясном синем небе нечего было играть в большое наступление. Вовремя перейти к обороне, окопаться поглубже, дать солдатам почувствовать безопасность от юнкеров в своих окопах - и немцы, если бы и прорвались, то меньше, и наверное задержать их можно было бы не доходя до Волги. У меня солдатский опыт лежанья под бомбажкой без окопов и в хорошо открытом ровике. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Все наступления при господстве немцев в воздухе, даже местные и с частичными успехами, неизменно кончались провалом и утратой боевого духа. Наступать всерьез летом можно было только с 1943г., когда установилось равенство воздушных сил. До этого сталинские приказы сталкивались с объективными границами человеческой психической выносливости. Выдержать несколько дней обработки переднего края авиацией без хороших окопов не может даже очень обстрелянный солдат. А оказываться как следует наступающая пехота не успевала. И такого шанцевого инструмента, как у артиллеристов, не было под рукой.

Весной 1943г. наша дивизия вышла на Миус и заняла позиции, которые советские войска оставили летом 1942-го. От старой обороны - только жиценькая ниточка траншей по переднему краю. Дальше - ничего. В 1943-м как начали копать, так копали до июля.

Окопы, блиндажи, ходы сообщения, огневые, запасные огневые, ложные огневые... Целый муравейник. И в тылу копали резервные линии обороны. Накопали много лишнего, но когда в июле местные наступления захлебнулись и танки погнали пехоту, измочаленную бомбами, назад - стрелки, не останавливаясь, пробежали мимо огневых артиллериий, - там для них не было укрытий, - но когда добрались до своих великолепных, полного профиля, окопов, то сразу почувствовали себя дома. Паника прекратилась. Артиллеристы отошли так, как у Вас Васильев, сожгли несколько танков; утром пушки были уже на старых огневых, немцы не решились развить успеха.

С 33! ←
Я знаю по себе, что солдат ленив и беспечен. Но Вы, властью начальника штаба, заставили солдата надеть каску. Почему Сталин, властью главнокомандующего, в 1942 году не заставил южный фронт зарыться в землю? А потом приказ №227: "Сегодня, 28 июля 1942 года, войска Красной Армии оставили город Ростов, покрыв свои знамена позором..." Первую фразу 40 лет помню наизусть. И дальше - основной смысл: по примеру предков наших, учиться у своих врагов. Вести штрафные роты и батальоны, ни шагу назад.

Стратегия Сталина весной 1942 года может быть понята только с учетом его опыта мирного строительства /организация массового голода 1930-1933 гг. и репрессий 1934-1939 гг./. Привык, что людей можно заставить хоть на стену лезть. И вот, вопреки здравому смыслу, - наступать, наступать, когда генерала-мороза и генерала-не-настяя уже нет на нашей стороне, а новые танковые и авиационные соединения еще формируются...

Я считаю Сталина ответственным не только за катастрофы лета-осени 1941 года, но и весенне-летние катастрофы 1942-го. Он потерял намного больше, чем было выиграно после декабрьского сражения под Москвой /которое я все же отношу в основном за счет Жу-

кова, а не Стиллина. А больше всего за счет русских морозов/. Но Россия велика, всякое наступление выдыхается. Как только гитлеровское наступление остановилось, фронт, заполненный то румынами, то итальянцами, то венграми, оказался Ахиллесом, у которого пятка всюду. А между тем, низкая облачность приковала немецкую авиацию к земле, и русские танки, раздавив румын, соединились у Калача. И был достигнут переломный пункт войны. Немцы потеряли веру в свою непобедимость. Мы ее приобрели. Кстати, большую роль в этом сыграл агитационный аппарат, который Вы недооцениваете. На Миусе наша дивизия фактически формировалась заново, но каким-то образом удалось убедить солдат, что они гвардейцы-сталинградцы. Я сам /работая в дивизионной газетке/ убеждал и сам удивился, - до чего легко верят.

Этот дух не смогли сломить и тигры с пантерами. Отход весной 1943г. не был паническим - генеральный штаб смог его организовать, сохранив Курский плацдарм. После страшного урока двух летних кампаний Стиллин дал приказ /которого не было на юге в 1942г./ зарыться в землю и, опираясь на отличную оборону, уступили Гитлеру первый ход на Курской дуге. Тут он Гитлера действительно переиграл, заставил его наступать там, где его ждали и где мощным контрударом удалось прорвать наступательные боевые порядки /то, что немцы сделали по отношению к нам в 1942-м/. Но почерк великого убийцы чувствуется и потом, в нескольких лишних кровопролитиях /это Вы признаете/.

Стиллин бесспорно понял, что без хорошего генерального штаба войну нельзя выиграть, и сумел подобрать для этого дела подходящих людей /также, как для других дел подобрал Ежова и Берию/ и сумел сработать с Васильевским также, как раньше с Каменевым или Бухариным, и сумел привязать к себе сердца генералов также, как

личную охрану /которая вся его обожала/. Но гениальность Сталина-полководца - это миф. Миф, созданный при участии генералов, подсказывавших ему чисто военные решения - и благодарных диктатору за то, что всё было поставлено на службу войне. Тоталитарная экономика - это военная экономика по самому своему складу, и тоталитарная политика - лучшее объяснение победы. Гениальность Сталина была готовым политическим макетом, помогавшим воевать, этот макет заполнялся победами также, как раньше - миллионами тонн чугуна и стали. Генералы вели себя как монархисты, верноподданно представляя Гению свои идеи и получая их обратно как решения Его Величества. Гениальность Сталина была условием нашей победы и стала частью самооценки генералов и офицеров, добившихся нашей победы. Без гениальности Сталина рушится часть их веры в себя. Потому-то генералы и офицеры были так потрясены Хрущевским докладом. Неприятно было почувствовать себя соучастниками бандита. Надо было или идти Вашим путем, или возвращаться назад, реабилитировать Сталина.

К несчастью, в таком положении не только генералы. Вы замечательно описали, как после войны, на учениях, офицеры с затуманными глазами бросились, стреляя из пистолетов, вперед, - или вернее назад, в призрак войны, как будто им снова надо подымать в атаку залегшие роты и скова вырастают за плечами крылья Нике, и летишь на этих крыльях, не зная страха...

От кровавого пути войны не хотелось переходить к советским будням, когда вчерашний герой становится ветошью, о которую вытирает ноги начальник. У миллионов ветеранов не было ни позади, ни впереди ничего настоящего, подлинного. Опять велят лезть на стену. Опять собираешь лестницы и делаешь вид, что сейчас влезешь /эту метафору я взял из уст народа - от моего командира от-

деления сержанта Сорокина/. И живет в сердце только память о днях войны /и у многих современных молодых людей ничего нет, кроме смутного облака отцовского патриотизма/. Война была выходом из царства химер /итога всякой включенной в жизнь утопии/, выходом в историческую реальность, конец войны был возвращением в царство химер, в мир Кафки. И имя Сталина, и облик Сталина /в мундире генералиссимуса/ связались в умах миллионов не с "Процессом" Кафки, который он продолжал, а с эпизодом национального эпоса. Этот мираж, овладевший массами - трагедия русского народа. Меня этот мираж не захватывает. Я смотрю на великие битвы глазами Анатоля Франса. Во всяком сражении кто-то непременно побеждает. И победитель - вовсе не обязательно гений. Достаточно того, что противник - тоже не гений.

У Сталина несомненно был вкус к войне. Убивать - его главное ремесло. Ради ликвидации эксплуататорских классов, вредителей, двурушников, фашистов, космополитов... Или просто потому, что путь к коммунизму лежит через усиление классовой борьбы. На мас- совые убийства у Сталина действительно был гений. А политичес- кая машина, которую он создал, выдержала все напряжения войны. И весь груз его ошибок.

Рухнули дутые авторитеты сталинских холуев. Но авторитет Сталина /этих холуев выдвинувшего/ война неслыханно укрепила, и в известной мере заслуженно: политической строй, в котором малей- шее сомнение в мудрости диктатора есть тягчайшее преступление - несокрушимая крепость, и Гитлер разбил себе голову о нее. Мо- нархию, в которой можно было распространять сплетни о Распутине и царице, Гитлер бы сломал, а сталинским архипелагом подавился. Разумеется, Сталину пришлось маневрировать, выдвигать людей,

умевших воевать, и лозунги, вызывавшие отклик. Но это он умел. На это он был мастер. Я не думаю, что ефрейтер Гитлер хуже разбирался в военном деле, чем рядовой необученный Сталин, со своим опытом гражданской войны /в которой организатором побед был Троцкий/. Но Сталина выручила Россия: большая территория, крепкие морозы 1941-1942гг., неистощимое терпение народа и готовность солдат умирать. Гитлер не учел физической географии России и не сумел воспользоваться политической. Он не сделал даже серьезной попытки превратить Власова в своего союзника. Гитлер был идеалист. Он верил в свою расовую теорию, он был убежден, что немцы завоюют Россию без помощи русских. И этот гипноз идеи сближает Гитлера с другими соперниками Сталина, которых Сталин слушал: с Троцким, с Бухариным. Сталин не был пленником идеи. Он использовал все идеи /в том числе гитлеровские/, чтобы сохранить и расширить свою власть. И он ее сохранил и расширил.

Великие вожди обычно само не сознают, что за идеей, которой они одержимы, прячется еще что-то: неудержимая воля к власти любой ценой. Отсюда противоречия в деятельности многих великих людей от Мохаммеда до Ленина и от Ленина до Хомейни. В Сталине таких противоречий не было. Воля к власти гармонически сочеталась в нем с садизмом. А идеи он подхватывал любые. Власов, воззвание РОА? Извольте, введем погоны...

Война - продолжение политики, и наша война не могла быть ничем иным, как продолжением сталинской политики, нас нельзя было сломить, не сломив авторитета Сталина. Поэтому Гитлер /не взяв Москвы и Ленинграда/ рванулся к Сталинграду /символ Стalinизма/. Поэтому Сталину непременно надо было удержать Сталинград. Сталин бросает полумиллионную армию в бой к северо-западу от Сталинграда, возле совхоза Котлубань, - наступать в голой

степи, под градом бомб - чтобы хоть на несколько дней удержать немцев, дать возможность ^псимвровизировать защиту города /уже отрезанному с севера/, удержать какой-то клок городской территории /идея была - прорваться к Сталинграду, но это уже из области утопии/. А что делает Гитлер? Оставляет армию Паулюса погибать, цепляясь за развалины того же города: потому что это Сталинград. Два чудовища сцепились, два демона имперской власти /как над Питером - в поэме Д.Андреева "Ленинградский апокалипсис"/. Кутузов мог сдать Москву, чтобы сохранить армию. Авторитет царя это не подорвало. А Стalin Сталинграда сдать не мог.

Всё так, - но разумно ли были использованы дивизии, действовавшие в районе совхоза Котлубань? Стоило ли сразу пустить в ход все, дав каждой полосу в 2км, т.е. очень густыми боевыми порядками, с неизбежностью гигантских потерь? Ведь это все равно, что завалить ров трупами. После мясорубки был издан приказ №306 - дескать, наступать в степи надо редкими цепочками без второго эшелона. Вывод - задним числом. И нельзя сказать, что богатый мыслью. Опыт успешного ночного боя 22-23.2.42, в котором я участвовал /в маскировочных костюмах при лунном свете/ позволяет мне предположить, что при господстве противника в воздухе лучше наносить ряд коротких ^{резких} ~~ударов~~. А судя по Вашей книге, - можно было бы захватить ночью участки вражеских окопов, производя контратаки, в которых немцы оказались бы под губительным огнем нашей артиллерии. Решительное превосходство в артиллерии было у нас. Единственный раз, когда немцы перешли в контрнаступление /видимо решив, что пехота окончательно обескровлена и деморализована бесплодными атаками/, только на участке нашей дивизии было сожжено больше 20 танков. Но развивать успех нам было нечем. Пушек много, активных штыков почти не осталось. Диви-

ия продвинулась на 3 км, буквально устлав их трупами. Хоронили
наскоро. То руки торчали, то ноги. Меня долго преследовал труп-
ный смрад, как Вас после Халхынгола.

Конечно, легко строить планы задним числом. Так ведь я не ге-
ний. А гении наши, - хоть Сталин, хоть Жуков, командовавший этим
наступлением, - что же они заранее ничего не рассчитали? Смог-
ли же Вы рассчитать бой под Хижней и разъяснить свой план под-
чиненным. Нет - нам приказали брюхом пробиться к Сталинграду.
Политически, повторяю, Сталин был прав, что держался за Сталинг-
рад, но в военном отношении - немецкому господству в воздухе
не было противопоставлено никакой мысли, никакой хитрости. Толь-
ко груды пушечного мяса.

А потом, с конца августа, когда наступать было нечем - за-
чем было еще недели две или три поднимать в атаки обескровлен-
ные батальоны, пополненные totally мобилизованными обозниками
и кашеварами? Демонстрировать давление на фланг Паулюса? Но Па-
улюс знал /через перебежчиков хотя бы/, что нам давить нечем. Де-
монстрировалась преданность Сталину. Во имя которой до конца
были обескровлены дивизии. Настолько, что когда понадобилось
действительно наступать, в ноябре, ряд дивизий пришлось расфор-
мировать и пополнить оставшиеся /в том числе нашу, 258-ю, за
счет 207-й/.

Или "Ни шагу назад". Некоторые примеры Вы сами приводите. Мне
рассказывали, что иногда целый фронт застревал в болотах. Нем-
цы в таком случае отходили и занимали оборону по высотам. А
маршал Соколовский / тот самый, с благородным сыном которого Вы
встречались/ гноил свои армии по колена в воде. По приказу Ста-
лина: ни шагу назад.

Вы-то взяли риск на себя, не стали удерживать никому не нуж-

ный плацдарм на Ондаве. Но ведь это опять по Вашему, а не по-Сталински. И вся Ваша борьба с Гастиловичем - это борьба со сталинским стилем. Вы ведь подчеркиваете, что Гастилович не неуч и не хам по натуре, он только имитировал московский стиль, т.е. сталинский стиль. Вы по сути дела вели войну на два фронта: горячую - с противником и холодную - со сталинскими методами /как и в начале 30-х при попытках борьбы с организацией голода и в конце 30-х, вместе с братом, против сталинских методов террора/.

Вы пишите, что Сталин разрешил не секретить БУП. Так ведь ему незачем было перестраховываться! И приказ №227 он мог писать, не боясь, что его привлекут по статье 58-IO ч.II. Над ним Сталина /и Берии/ не было. Или: Сталин запомнил Вечного и исключил его из штрафного списка. Да, потому что Сталин убедился: этот человек мне без лести предан, даже курить при мне не решался. Такой не выдаст! Военного гения здесь столько же, сколько человеческого тепла.

Я вижу в сталинских методах войны что-то очень сходное с методами хлебозаготовок, которые Вы описываете. Лишь бы сегодня взять 100%. И во имя этого разрушались работоспособные колхозы. И во имя этого истреблялась пехота, уничтожалось обстрелянное ядро, которое надо бы ценить, беречь, 30 обстрелянных солдат стоят 300 необстрелянных - а стрелковый полк доводился до 10 активных штыков. Кстати сказать, это те же мужики. Я начинал в добровольческой дивизии, там пехота была интеллигентная, ехали на фронт с однотомником Блока в теплушке. Но вообще-то стрелковые роты формировались из лиц с образованием ниже 7 классов. Их на войне жалели также, как в мирное время. Стрелковые батальоны времен войны - это проходной двор для маршевых рот, в наркомзакомдрав или в наркомзем. Потери стрелковых рот ничем не отли-

чались от потерь штрафных рот. Также как жизнь колхозников мало отличалась от жизни з/кз/к.

Вы-то людей берегли! Но будь Вы на одном из решающих направлений, где прямо действовала воля Сталина, - Вам не дали бы развернуться.

Полемика с концепцией Авторханова завела Вас слишком далеко. Вы правы в критике Жуковской легенды: нашим главнокомандующим был не Жуков, а Сталин. Но Вы не правы, признавая ^{сталинский} военный гений. Побеждать, уложив в 3,5 раза больше, чем противник, - на это большого гения не нужно. Ваш спор с самим собой в оценке надо довести до конца. Ибо любовь к Сталину растет, как снежный ком /не то, что правозащитное движение. И даже возвращение в церковь/. Идет массовое возвращение к сталинскому мифу, и здесь каждое слово на счету.

Что решает: дело или человек, непосредственный результат или стиль? Что глубже остается в истории? Если дело, если результат, то оправдан ^{не только Якир /он сдался, но "Хроника"} продолжала выходить/. Оправдан ^и Сталин, - по крайней мере, с точки зрения русского имперского патриотизма. Эта точка зрения развивалась в "Вече", развивается кое-кем и сейчас, и она вполне логична. Сталин довел Россию до порога мирового господства. А что уплатил за это несколькими десятками миллионов голов, - ^{тона} то война классовая и война мировая. Искусство требует жертв. Империи строятся на костях.

Я был бы рад, если бы вытолкнул Вас на полемику, и Вы написали бы исследование - не историю всей войны, это слишком громоздко - но исследование стиля Сталина и его полководцев. Не сомневаюсь, что в чем-то Вы меня поправите, в чем-то опровергнете. Вам здесь и книги в руки. С этим уточнением я поддерживаю заказ

Александра Исаевича. Не думаю, что войну в целом можно и нужно дегероизировать /и геройизировать политически беспомощную трагическую попытку Власова заключить союз с одним демоном против другого/. Война - очень многосложное явление. Наверху - схватка двух демонов /по Л.Андрееву - уицраоров/, пониже - шахматная партия полководцев, а еще ниже - Тимофея Иванович с его винтовкой. Тимофея Ивановича не хочется дегероизировать. Да и Вас тоже. Я даже название придумал для фильма /еще одного фильма/: "Каска начальника штаба". Но труд Ивана Денисовича - не оправдание Архипелага, и Ваши с Тимофеем Ивановичем труды - не оправдание Сталина. Сталинский миф надо разобрать по косточкам, в том числе миф о Сталине-полководце.

Если Вам удобнее будет строить какой-то журнальный текст /предваряющий книгу/ как полемический отклик на мои заметки, то можете цитировать любые куски /в том числе из первых писем, которые я писал наспех, меня от этого не убудет/. Равно можете опубликовать и переписку в целом, с теми купюрами, которые подсказывает чувство такта /в частном письме, даже обработанном как это, последнее, всегда есть что-то не рассчитанное на публику/. Копию письма я себе оставляю, чтобы изготовить /как говорится у наших лучших друзей/ проект печатного отклика. Но повторяю еще раз, что если Вам захочется откликнуться немедля, то считайте, что это окончательный текст.

Теперь несколько слов о мелких ошибках - на случай других изданий. Термин Смерш Вы употребляете до 1943г., когда он был введен. Малая Россия - не выдумка великодержавных шовинистов, это название византийское, обозначавшее ядро России в противоположность периферии, т.е. мал золотник, да дорог, велика Федора, да дура. Потом центр переместился на периферию, и значение слов из-

менилось. Тогда Малая Россия не захотела быть малой и постепенно переименовала себя в Украину. А Русика об этом не знала и в память Киевской и Червонной Руси продолжала называть себя русинами. Мне кажется, не совсем точен термин геростратовский в характеристике пропаганды. Герострат не был лжецом... Еще два хозяйственных сомнения /высказанных Зиной/: может ли быть, что на больного тратят 5р. в день? И когда - после Николая II - хлеб стоил 3 коп.?

Хотелось бы увидеть Вашу книгу в карманном издании, на тонкой бумаге. Я думаю, страниц 150-200 можно сократить за счет фамилий и должностей разных лиц, о которых Вы ничего существенного не вспоминаете, и др. мелочей. Но большой книга непременно должна остаться, ~~дайджеста~~ из нее не сделаешь. Это тот дух, который раскрывается только при чтении так, как книга написана, со всеми длиннотами. Я надеюсь, что когда-нибудь эта книга станет настольной для всякого образованного русского читателя, потому что решают не идеи, не символы - они довлеют времени и умирают вместе с временем - а человеческая личность, и сквозь своеобразие не-повторимых личных черт - пружина, поворачивающая человека к добру. Дай Бог, чтобы эта книга, вместе с другими добрыми книгами, помогла соединить то, что сейчас пытаются порвать - живую нить связи между живыми через царство смерти. И дай Вам Бог сил и здоровья! Уезжайте чаще из Н.Й. в горы, вспоминайте час созерцания на Карпатах - это даст Вам новые силы и сосредоточенность.

Еще раз - здоровья и сил Вам, Зинаиде Михайловне, детям и внукам!

/Подпись: "Гр" /

P.S. Знаете ли Вы "Школу молитвы" Антония Блюма? Мне она очень много дала. А Вам ведь можно и съездить в Лондон, переговорить с Антонием...

Г. ПОМЕРАНЦ - Петру Григоренко

(1982 г.) *

* Копия получена от Н. Г. в декабре 82
г. Нью-Йорк.